

А. М. Курбский

Сказания князя Курбского

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. М. Курбский**
Сказания князя Курбского: Часть 1 / А. М. Курбский – М.: Книга по Требова-
нию, 2017. – 390 с.

ISBN 978-5-517-96032-0

[Тип. Èkspedit͡sii zagotovleniĭa gosudarstvennykh bumag]

ISBN 978-5-517-96032-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СКАЗАНІЯ
КНЯЗЯ
КУРЬСКАГО.

Ч А С Т Ь I.

ИСТОРИЯ ЮАННА ГРОЗНАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобъ, по отпечатаніи, представлены были въ
Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Сентября 13,
1832.

Ценсоръ Сенковскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія всегда была наставницею чловѣка; но никогда уроки ея не были столь поучительны, какъ въ наше время. Не одни Правители Государствъ почерпають въ ея скрижаляхъ спасительныя наставленія; каждому, и войну и художнику, и ученому и купцу, она служить надежнымъ путеводителемъ. Этого мало: Исторія возвысила, облагородила чловѣчество; укоры ея страшатъ наглую силу; привѣтъ ея ободряетъ изнемогающую доблесть; въ ней находятъ подругу утѣшительную, неизмѣнную несчастныя жертвы Рока. „Вспомните,“ говорилъ Де-Сезъ кровожаднымъ судьямъ Конвента, когда уже не было надежды спасти Людовика, „вспомните, что васъ ожи-„даетъ приговоръ Исторіи!“

Эту власть надъ умами, рѣшительную, всеобщую, она приобрѣла въ недавнее время,

съ тѣхъ поръ, когда Юмы и Гиббоны, Гердеры и Шпитлеры, открывъ тайну и цѣль Бытописанія, доказали, что Исторія должна быть вѣрною картиною минувшаго. И Древніе говорили то же; но они часто измѣняли сему правилу: не имѣя средствъ вполнѣ узнать истину, которыя даетъ намъ книгопечатаніе, не имѣя вѣрныхъ понятій о челоѣчествѣ, объясненныхъ Европѣ Святою Вѣрою и образованностію, Древніе съ неподражаемымъ искусствомъ, въ безсмертныхъ твореніяхъ ума и жизни, обманывали и себя и потомство. Увлекаемые народнымъ самолюбіемъ, они были несправедливы къ иноземцамъ: Греки безъ пощады клеветали на Персовъ, Римляне на Карфагенянь; свои же дѣла, славныя и безславныя, нерѣдко превозносили до небесъ. Сверхъ того, недостатокъ извѣстій современныхъ объ одномъ и томъ же событіи дозволялъ каждому Историку говорить, что ему было угодно: рѣдкое происшествіе описано двумя или тремя современниками; потомство часто должно вѣрить одному свидѣтелю слѣпо, невольно, ибо не имѣетъ средствъ уличить его. Однимъ словомъ, трудно спорить съ Древними въ искусствѣ разсказа; но святая истина

была не ихъ удѣломъ. А это нынѣ главное.

Въ наше время Исторія должна быть чистымъ зеркаломъ, гдѣ вѣки, народы, событія, нравы являются взорамъ наблюдателя со всѣми ихъ отличительными свойствами, со всѣми оттѣнками. Мы требуемъ отъ Историка, чтобы онъ начерталъ картину жизни народной въ извѣстное время кистію вѣрною и точною, указалъ бы связь событій, разставилъ бы георевъ въ истинномъ свѣтѣ, объяснилъ бы ихъ поступки, но безъ дальнихъ умствованій, не присвоивая себѣ ни суда, ни расправы: онъ долженъ быть въ сторонѣ. Пусть только нарисуетъ картину живую, одушевленную, со всѣми признаками вѣка, со всею выразительностію лицъ, и намъ оставить трудъ сказать: „тотъ былъ злодѣй, а сей — великій человѣкъ!“

Эта мысль нынѣ служитъ основою Бытописанія; отъ сего во всѣхъ образованныхъ Государствахъ собираютъ полуразрушенные памятники стараго времени, отрываютъ въ архивахъ полуистлѣвшія хартіи. Акты Государственные, Записки людей знаменитыхъ,

Лѣтописи безыменныя, даже памятники неписьменные, возбуждаютъ любопытство просвѣщеннаго потомства: ибо все, что только уцѣлѣло отъ ѣдкости времени, отъ варварства челоуѣка — и развалины городовъ, и слѣды старинныхъ зданій, гробницы, одежды, оружіе, монеты, — все имѣетъ цѣну для знатока и наблюдателя, воскрешая предъ нимъ мертвую древность: въ полуразбитомъ сосудѣ, въ ржавомъ панцырѣ, въ истлѣвающей картинѣ, онъ видитъ вкусъ, образъ мыслей, степень образованности цѣлаго народа за нѣсколько столѣтій. Но болѣе всего въ нашъ вѣкъ обращаютъ вниманіе на Записки современниковъ; даже Лѣтописцы Среднихъ вѣковъ находятъ многихъ читателей, не потому, чтобы они могли спорить съ краснорѣчивыми Историками новѣйшими: Жуанвиль въ сраженіи съ Монтескье есть то же, что простой солдатъ предъ искуснымъ Генераломъ; однакожь мы охотно слушаемъ его простодушные рассказы *des saintes paroles et des bons faits de notre Roy saint Loouys*: въ нихъ видимъ этого благочестиваго героя, красу Рыцарей, такимъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, со всѣми его добродѣтелями и недостатками;

видимъ всѣ очерки времени, дышемъ воздухомъ XIII вѣка.

Не одинъ Жуанвиль, единственный, несравненный въ своемъ родѣ, всякій очевидный свидѣтель описуемыхъ событій доставляетъ пищу уму и воображенію внимательнаго читателя: нерѣдко однимъ стариннымъ словомъ, счастливымъ выраженіемъ, онъ живѣе рисуетъ вѣкъ, чѣмъ новый Бытописатель глубокомысленными изслѣдованіями; нерѣдко сухой дневникъ, домашняя записка открываетъ тайну вѣковыхъ событій. Если же, съ запасомъ свѣденій, съ любовію къ истинѣ, Авторъ соединяетъ прелесть слога: перо его очаровательнѣе кисти самаго искуснаго Романиста.

Исторія каждаго Европейскаго народа изобилуетъ такими памятниками; болѣе всѣхъ Французская. Съ половины XIII столѣтія мы видимъ въ ней необозримый рядъ современныхъ Записокъ.¹⁾ Нѣтъ событія сколько нибудь замѣчательнаго, которое не было бы описано самовидцемъ: ибо жить, наслаждаться жизнию, рассказывать о себѣ самомъ и о другихъ откровенно, просто, иногда безъ всякой цѣли, изъ одного удовольствія говорить —

есть отличительная черта Француза; его стихіи: непрестанная дѣятельность, какое-то веселое добродушіе, любезность, болтливость и страсть къ насмѣшкамъ; отъ сего каждый какъ будто спѣшитъ повѣрить свои мысли, свои впечатлѣнія знакомымъ и незнакомымъ, современникамъ и потомству. Такъ составила громада Историческихъ Записокъ, которая тѣмъ болѣе увеличивалась, чѣмъ полнѣе развивался характеръ Французовъ. Въ наше время Барантъ Исторіею Герцоговъ Бургундскихъ доказалъ, какое сокровище имѣеть Франція въ Запискахъ Среднихъ вѣковъ; о достоинствѣ подобныхъ сочиненій послѣднихъ трехъ столѣтій мы не упоминаемъ: что была бы Новая Исторія безъ признаній Сюлли, Реца, С. Симона, Бурьеня?

Жатву не столь обильную находятъ Нѣмцы, Англичане, Испанцы и другіе Европейцы въ своихъ древнихъ Хроникахъ: въ каждомъ народѣ есть особенный отпечатокъ, который отсвѣчивается во всѣхъ произведеніяхъ его ума и вкуса. Англичане своекорыстны, себялюбивы, недоступны; Нѣмцы слишкомъ углублены въ размышленія, слишкомъ расчетливы:

отъ сего Хроникамъ и современнымъ Запискамъ ихъ не достаетъ той заманчивой прелести, той милой болтливости, которая одушевляетъ Французскія. Тѣмъ не менѣе онѣ драгоцѣнны: ибо въ нихъ душа народная.

Сказанія нашихъ праотцевъ имѣютъ свой отличительный характеръ: у насъ мало Записокъ особъ извѣстныхъ; ²⁾ главное наше сокровище — безыменныя Лѣтописи, въ коихъ повѣствуется объ основаніи Государства, о войнахъ древнихъ Князей съ Византією, о введеніи въ Россію Христіанской вѣры, о междоусобныхъ распряхъ, о внутреннихъ неурядицахъ, о битвахъ со врагами отечества, о дѣлахъ церковныхъ, о знаменіяхъ небесныхъ и необыкновенныхъ явленіяхъ природы. Все это описано, одно за другимъ, въ хронологическомъ непрерывномъ порядкѣ, въ иныхъ сборникахъ до начала XIII столѣтія, въ другихъ до начала XIV, нѣкоторые же простираются за половину XVII вѣка. ³⁾ Сверхъ того есть подобныя же собранія хронологическихъ извѣстій о частныхъ событіяхъ области Новгородской, Кіевской, Волынской, Псковской, и о дѣяніяхъ нѣкоторыхъ особъ отдѣльно, на-

прим. Довмонта Псковскаго, Александра Невскаго, Дмитрія Донскаго, Іоанна Грознаго. 4)

Кому же обязано потомство тѣми любопытными извѣстіями, кои заключаются въ нашихъ Лѣтописяхъ? кто первый сталъ собирать ихъ, чье перо продолжало его сказанія? гдѣ останавливался одинъ Лѣтописецъ, гдѣ начиналъ другой? откуда они почерпали свои свѣденія и для чего повѣряли ихъ бумагѣ или пергамену, для потомства ли, для собственнаго ли удовольствія? Ни Шлецеръ, ни Карамзинъ не рѣшили большей части сихъ вопросовъ; да едва ли кто и разгадаетъ ихъ: ибо читая и перечитывая свои Лѣтописи, видимъ только непрерывную Хронику, которая, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, не измѣнялась ни въ слогѣ, ни въ сужденіяхъ сочинителей; не много находимъ признаковъ, по которымъ догадываемся, что одинъ Лѣтописецъ былъ Инокъ монастыря Кіевопечерскаго, жилъ въ концѣ XI вѣка и писалъ отчасти какъ самовидецъ, а болѣе по рассказамъ друга своего Яна: потомство именуетъ сего Лѣтописца Несторомъ; другой мирилъ озлобленныхъ Князей, бесѣдовалъ въ темницѣ съ несчастнымъ